

Затея была заброшена, но мы вновь вернулись к ней уже после начала перестройки, когда наступили новые и даже новейшие времена, когда возникла реальная возможность не просто пустить по рукам некое собрание материалов, но опубликовать его по всем правилам, с поучительными комментариями и ядовитыми характеристиками действующих лиц, многие из которых в те времена еще сохраняли свои посты и способны были влиять на литературные процессы. К работе подключились неутомимые «людены» - Вадим Казаков со товарищи. БН передал им все материалы, сборник был в значительной степени подготовлен, но довольно скоро выяснилось, что издать его реальной возможности нет - ни у кого не оказалось денег на подобное издание, которое вряд ли могло представлять коммерческий интерес. Кроме того, события неслись вскачь: путч, уход АН, распад Союза, демократическая, хоть и «бархатная», но несомненная революция - затея буквально на протяжении нескольких месяцев потеряла даже самую минимальную актуальность. И вот сейчас я сижу за столом, смотрю на три довольно толстые папки, лежащие передо мною, и испытываю разочарование пополам с растерянностью и с заметной примесью недоумения.

В папках - наши письма в издательство «Молодая Гвардия» (редакторам, завредакции, главному редактору, директору издательства), жалобы в ЦК ВЛКСМ, слезницы в отдел культуры ЦК КПСС и в отдел печати и пропаганды ЦК КПСС, заявления в ВААП (Всесоюзное Агенство по авторским правам), и, разумеется, ответы из всех этих инстанций, и наши письма друг другу - гора бумаги, по самым скромным подсчетам двести с лишним документов, - и я представления не имею, что со всем этим сейчас делать. Первоначально я предвкушал, как расскажу здесь историю опубликования «Пикника», назову некогда ненавистные нам имена, вдоволь поиздеваюсь над трусами, дураками, доносчиками и подлецами, поражу воображение читателя нелепостью, идиотизмом и злобностью мира, из которого мы все родом - и буду при этом ироничен и назидателен, нарочито объективен и беспощаден, добродушен и язвительны одновременно.

И вот теперь

я сижу, гляжу на эти папки и понимаю, что я безнадежно опоздал и никому не нужен - ни с иронией своей, ни с великодушием, ни с перегоревшей своей ненавистью. Канули в прошлое некогда могущественные организации, владевшие почти неограниченным правом разрешать и вязать - канули в прошлое и забыты до такой степени, что пришлось бы скучно и занудно объяснять нынешнему читателю, кто есть кто, почему в отдел культуры ЦК жаловаться не имело смысла, а надобно было жаловаться именно в отдел печати и пропаганды, и кто такие были Альберт Андреевич Беляев, Петр Нилыч Демичев и Михаил Васильевич Зимянин, - а ведь это были тигры и даже слоны советской идеологической фауны, вершители судеб, «роководители» и «роконосцы»! Кто их помнит сегодня и кому интересны теперь те из них, кто еще пока числится среди живых? А что же тогда говорить о малых сих, - о визгливом сонме мелких чиновников от идеологии, об идеологических бесах, имя коим легион, вред от коих был неизмерим и неисчислимым, злобность и гнусность коих требует (как любили писать в XIX веке) пера, более опытного, мощного и острого, нежели мое! Я даже упоминать их здесь не хочу - пусть сгинут в прошлом, как ночная нечисть, и навсегда...

Если бы мне вздумалось все-таки опубликовать здесь хотя бы простой перечень всех относящихся к делу документов с краткой их характеристикой, перечень этот выглядел бы примерно так:

30.04.75 А -> Б (у редакции «серьезные сомнения» по поводу ПнО)

5.06.75 Письмо АБС Медведеву с просьбой о редзаклучении

25.06.75 Письмо Зиберова с объяснением задержки

8.07.75 Редзаклучение Медведева и Зиберова

21.07.75 Ответ АБС на редзаклучение

23.08.75 Б -> А (сборник обработан и отослан в редакцию еще в июле)

1.09.75 Уведомление Зиберова о получении рукописи

5.11.75 Письмо Медведева с отказом «Пикнику»

17.11.75 Письмо АБС Медведеву с аргументацией против отказа
17.11.75 Письмо БН Медведеву с выражением недоумения
8.01.76 Письмо АБС Полещуку с жалобой на Медведева
24.01.76 Уведомление Паршина о получении письма в ЦК ВЛКСМ
20.02.76 Письмо Паршина о принятых мерах
10.03.76 Б -> А (проект писем Паршину и Синельникову)
24.03.76 Письмо АБС Паршину с напоминанием
24.03.76 Письмо АБС Синельникову с напоминанием
30.03.76 Письмо Паршина о принятых мерах
5.04.76 А -> Б (предложение составить письмо в высшие инстанции)
12.04.76 Письмо Медведева с отказом «Пикнику»

И так далее, в этом же духе. Кому это сегодня нужно, и кто это сегодня станет читать? Но если не об этом, то о чем же остается тогда писать? Как без этого суконно-скучного перечня и уныло-злобного комментария к нему рассказать историю публикации «Пикника» - историю в известном смысле даже загадочную. Ибо повесть эта, наверное, не лишена была каких-то недостатков, но ведь в то же время не лишена она была и очевидных достоинств: она была безусловно увлекательна, способна произвести на читателя достаточно сильное впечатление (вдохновила же она такого замечательного читателя, как Андрей Тарковский, на создание выдающегося фильма); и притом она безусловно не содержала в себе НИКАКИХ нападок на существующий строй, а наоборот, вроде бы лежала в русле господствующей антибуржуазной идеологии... Так почему же тогда, по каким таким загадочным - мистическим? инфернальным? - причинам обречена она оказалась на прохождение через издательство в течение ВОСЬМИ с лишним лет!

Сначала

издательство вообще не хотело заключать договор на сборник; потом заключило, но почему-то восстало против повести «Дело об убийстве»; затем вроде бы согласилось заменить «Дело об убийстве» на апробированную ранее повесть «Трудно быть богом», но зато решительно восстало против «Пикника»... Даже вкратце невозможно здесь изложить историю этой борьбы - получается слишком длинно: как-никак восемь лет все-таки. Тут были и неожиданные отказы от собственных требований (вдруг ни с того, ни с сего: долой «Трудно быть богом»!), и пяти- или даже шестикратные перезаключения договора, и даже внезапные попытки вообще разорвать все и всяческие отношения (вплоть до суда!), но главное, и все время, и неуклонно, и неизменно, из года в год, из разговора в разговор, из письма в письмо: убрать из «Пикника» оживших покойников; изменить лексику Рэдрика Шухарта; вставить слово «советский», когда речь идет о Кирилле Панове; убрать мрачность, безысходность, грубость, жестокость...

Сохранился замечательный документ:

постраничные замечания редакции по языку повести «Пикник на обочине». Замечания располагаются на восемнадцати (!) страницах и разбиты по разделам: «Замечания, связанные с аморальным поведением героев»; «Замечания, связанные с физическим насилием»; «Замечания по вульгаризмам и жаргонным выражениям». Не могу позволить себе не привести оттуда несколько выдержек. Причем обратите внимание: я ни в коем случае не подбираю цитат, не ищу глупостей специально, я даю все подряд.

«всего 93 замечания, приводятся первые десять»

должен зад свой толстый задрать - с. 21

уж я на зубах пойду, не то что на руках - с. 21

да на карачках - с. 32

вытащил флягу, отвинтил крышечку и присосался, как клоп - с. 25

высосал флягу досуха - с. 35

одного последнего глотка, конечно, не хватило - с. 35

Напьюсь сегодня как зюзя. Ричарда бы ободрать, вот что! Надо же, стервец, как играет - с. 38

А мне выпить хочется - никакого терпежу нет - с. 42

С удовольствием бы опрокинул с тобой стаканчик в честь такого знакомства - с. 42

...не говоря лишнего слова, наливает мне на четы ре пальца крепкого. Я взгромоздился на табурет, глотнул, зажмурился, головой помотал и опять глотнул - с. 43...»

«всего 36 замечаний, приводятся последние десять»

цапнул со стола тяжелую пивную кружку и с размаху хватил ею по ближайшей хохочущей пасти - с. 179

Тогда Рэдрик пошарил в кармане, выбрал гайку граммов на двадцать и, прицелившись, запустил ему в голову. Гайка попала Артуру прямо в затылок. Парень ахнул «и т. д.» - с. 182

А в следующий раз надаю по зубам - с. 182

лягнул Рэдрика свободной ногой в лицо, забился и задергался «и т. д.» - с. 185

судорожно уминая грудью голову этого проклятого сопляка, не выдержал и заорал изо всех сил - с. 185

Теперь эта смазливая мордашка казалась черно серой маской из смеси запекшейся крови и пепла «и т. д.» - с. 185

Рэдрик бросил его лицом в самую большую лужу - с. 186

душу из гадов вынуть, пусть дряни пожрут, как я жрал - с. 202

он с размаху ударил себя полураскрытым кулаком по лицу - с. 202...»

«всего 251 замечание, приводится произвольный десяток из середины»

и вдруг принялся ругаться бессильно и злобно, черными, грязными словами, брызгая слюной... - с. 72

– Надевай зубы и пойдём - с. 72

Мясник выругался - с. 74

Сволочь ты... Стервятник - с. 74

гад - с. 76

жрать охота - сил нет! - с. 77

Мартышка безмятежно дрыхла - с. 77

грязен он был как черт - с. 78

Кой черт! - с. 82

бибикнул на какого-то африканца - с. 85...»

«Разумеется «сообщалось в сопроводительном письме редакции», мы выписали только те выражения и слова, которые, на наш взгляд, нуждаются либо в устранении, либо в замене. Эти замечания продиктованы прежде всего тем, что Ваша книга предназначена для молодежи и подростков, для комсомольцев, которые видят в советской литературе учебник нравственности, путеводитель по жизни».

Помню, получивши в руки этот блистательный документ, я кинулся напрямик к своим стеллажам и радостно извлек на свет божий любимого нашего и непревзойденного Ярослава Гашека. С каким невероятным наслаждением я прочитал оттуда:

«Жизнь - это не школа для обучения светским манерам. Каждый говорит как умеет. Церемониймейстер доктор Гут говорит совсем иначе, чем хозяин трактира «У чаши» Паливец.

А наш роман не пособие для салонных шаркунов и не научная книга о том, какие выражения допустимы в благородном обществе...» «Правильно было когда-то сказано, что человек, получивший здоровое воспитание, может читать все. Осуждать то, что естественно, могут лишь люди духовно бесстыдные, изощренные похабники, которые, придерживаясь гнусной лжеморали, не смотрят на содержание, а с гневом набрасываются на отдельные слова. Несколько лет назад я читал рецензию на одну повесть. Критик выходил из себя по поводу того, что автор написал: «Он высморкался и вытер нос». Это,

мол, идет вразрез со всем тем эстетическим и возвышенным, что должна давать народу литература. Это только один, притом не самый яркий пример того, какие ослы рождаются под луной...»

Ах, как было бы сладостно процитировать все это господам из «Молодой Гвардии»! И добавить кое-что от себя в том же самом духе. Но, увы, это было совершенно бессмысленно и, может быть даже, тактически неправильно. Кроме того, как стало нам ясно много-много лет спустя, мы совершенно неправильно понимали мотивы и психологию всех этих людей. Мы ведь искренне полагали тогда, что редакторы наши просто боятся начальства и не хотят подставляться, публикуя очередное сомнительное произведение в высшей степени сомнительных авторов. И мы все время, во всех письмах наших и заявлениях, всячески проповедовали то, что казалось нам абсолютно очевидным: в повести нет ничего криминального, она вполне идеологически выдержана и безусловно в этом смысле неопасна. А что мир в ней изображен грубый, жестокий и бесперспективный, так он и должен быть таким - мир «загнивающего капитализма и торжествующей буржуазной идеологии».

Нам и в голову не приходило, что дело тут совсем не в идеологии. Они, эти образцово-показательные «ослы, рожденные под луной», ведь НА САМОМ ДЕЛЕ ТАК ДУМАЛИ: что язык должен быть по возможности бесцветен, гладок, отлакирован и уж ни в коем случае не груб; что фантастика должна быть обязательно фантастична и уж во всяком случае не должна соприкасаться с грубой, зримой и жестокой реальностью; что читателя вообще надо оберегать от реальности - пусть он живет мечтами, грезами и красивыми бесплотными идеями... Герои произведения не должны «ходить» - они должны «выступать»; не «говорить» - но «произносить»; ни в коем случае не «орать» - а только лишь «восклицать»!... Это была такая специфическая эстетика, вполне самостоятельное представление о литературе вообще и о фантастике в частности, такое специфическое мировоззрение, если угодно. Довольно распространенное, между прочим, и вполне безобидное, при условии только, что носитель этого мировоззрения не имеет возможности влиять на литературный процесс.

(Впрочем, судя по письму БН от 4.08.77: «...С Медведевым поступлено так: а). Сделано 53 стилистических поправки из списка «Вульгаризмов» - объяснено в письме, что это делается из уважения к требованиям ЦКмола; б). Вставлено толкование покойников как киборгов для исследования землян, а Шара - как некоего бионического устройства, улавливающего биотоки простых желаний - объяснено в письме, что это делается, дабы отвязаться; в). Написано далее в письме, что прочие требования редакции (связанные с насилием и пр.) являются идеологической ошибкой, ибо приводят к лакировке капдействительности. Все отослано с уведомлением и, судя по уведомлению, получено в МолГв 26 июля с. г. В жопу, в жопу...»)

Борис Стругацкий